

Грег Джонсон

СОФИСТИКА КАК ТЕХНОКРАТИЯ

Оригинал: Greg Johnson. Sophistry as Technocracy

Источник: <https://counter-currents.com/2023/06/sophistry-as-technocracy/>

Перевод с английского, 2023 г. На русском языке публикуется впервые!

В Греции в четвертом и пятом веках до нашей эры софисты были высоко ценными учителями искусства или ремесла (*techne*) риторики. (Греческое слово *techne* является корнем наших слов техника и технология.)

Сократ был широко известен как софист, например, в «Облаках» Аристофана. Наивному стороннему наблюдателю Сократ определенно казался софистом. Подобно софистам, Сократ проводил много времени в спорах об идеях. Более того, Сократ был замечен спорящим с известными софистами, в том числе с величайшими софистами из всех, Горгием и Протагором, как они изображены в диалогах Платона, носящих их имена. Но если посмотреть на настоящие

споры Сократа с софистами, то станет ясно, что он был фундаментальным противником софистики.

Но почему философа особенно беспокоят те, кто практикует и обучает искусству риторики – в отличие, например, от медицины, судостроения или сапожного дела? Философия для Сократа и Платона была самым возвышенным из всех занятий, гораздо более важным, чем любое из искусств (*technai*).

Действительно, в диалогах Платона Сократ прилагает огромные усилия, чтобы отделить философию от всех искусств. Философия, как и все науки и искусства, имеет определенную цель. Само название «философия» означает любовь (*philia*) к мудрости (*sophia*). Для Сократа мудрость подобна искусствам, поскольку все они в первую очередь практичны. Они нацелены на изменение вещей. Но мудрость отличается от искусства в двух существенных отношениях.

Во-первых, искусства, как и теоретические науки, являются специализированными. Они имеют дело с ограниченными сферами вещей: сапожники делают обувь; кораблестроители делают корабли; биологи изучают живые существа; геометры имеют дело с точками, линиями и фигурами. Философия стремится познать мудрость, но мудрость всеобъемлюща. Она каким-то образом имеет дело со всеми вещами.

Во-вторых, искусства, как и теоретические науки, морально нейтральны, что означает, что они могут быть использованы в добрых или злых целях, но эти цели чужды самим искусствам и наукам. Эти цели добавляются тем, кто пользуется искусствами и науками. Мудрость, однако, не является морально нейтральной. Она моральна по своей сути. Мудрость по самой своей природе стремится к добру, а именно к хорошей жизни человека.

Если сложить воедино всеохватность мудрости и присущую ей направленность на добро, то придешь к сократовской идее мудрости: мудрость есть способность правильно пользоваться всеми вещами. «Все вещи» означают: все искусства, все науки, все блага и обстоятельства, которые нам преподносят жизнь.

Спросите себя, каковы составляющие хорошей жизни. Что вам нужно, чтобы жить хорошо? Существуют материальные блага, такие как еда и питье, физические качества, такие как здоровье и красивая внешность, отношения, такие как семья и друзья, и ресурсы, такие как деньги, социальный капитал, знания, умения и навыки.

Но Сократ сказал бы, что даже самого лучшего набора таких благ недостаточно для хорошей жизни, если они не используются правильно для достижения благополучия, поэтому нам также нужна мудрость, чтобы жить хорошей жизнью.

Сократ добавил бы, что как только вы осознаете важность мудрости, даже если судьба дает вам очень мало компонентов хорошей жизни, если вы будете использовать то, что у вас есть, с умом, то вы будете в лучшем положении, чем более удачливые люди, которые плохо используют свои дары.

Все мы слышали фразу «слишком много хорошего». Слишком много еды и питья – даже просто воды – могут вас убить. Как говорил Парацельс: «Всё есть яд и всё есть лекарство. Только доза делает лекарство ядом и яд лекарством». Одни и те же вещества могут лечить или убивать в зависимости от того, как они используются. Разве может быть слишком много удовольствия? Конечно, так может быть. Мы можем поработить и обезобразить себя в погоне за удовольствиями. Разве можно быть слишком богатым для собственного блага? Да, если вы неправильно используете свои деньги. Если вы тратите свои деньги на кокаин и героин, вам лучше быть бедным. Можно ли быть слишком талантливым или слишком красивым? Да, если вы окружите себя подхалимами, которые поощряют ваше худшее поведение. Можно ли быть слишком умным для своего же блага? Конечно, если вы используете свой интеллект, чтобы обманывать себя и других. Можете ли вы быть слишком трудолюбивым? Абсолютно. Самые деструктивные люди в мире – трудолюбивые чудаки и психи.

Можно ли вести хорошую жизнь без мудрости? Да, но только если очень повезет. Есть такая вещь, как рай для дураков. Но было бы глупо рассчитывать на удачу, так как мудрость позволяет нам творить свою собственную удачу; действительно, мудрость может позволить нам противодействовать несчастьям и спасти счастливую жизнь даже от самых худших обстоятельств. Но можно ли быть слишком мудрым для своего же блага? Нет, это невозможно. Мудрость всегда хороша. Мудрость не только регулирует все остальное, чтобы принести добро, она не нуждается во внешнем регулировании, потому что по самой своей природе направлена на добро. Поэтому, если вы рассчитываете на что-то, что приведет к благополучию, и это не удастся, это не мудрость, а просто подделка.

Поскольку мудрость – это путь к благополучию, а – как утверждает Сократ – благополучие – это то, к чему стремятся все люди, мудрость – это самое важное, к чему мы можем стремиться. Это означает, что нет ничего более опасного для человеческого благополучия, чем поддельная мудрость. Вот почему Сократ соизволил скрестить мечи с софистами. Сократ считал, что софисты продвигают ложную мудрость как путь к благополучию.

Давайте посмотрим на беседу Сократа с пожилым и известным софистом Горгием Леонтинским в «Горгии» Платона. Сократ спрашивает Горгия, какому искусству (*techne*) он учит. Горгий говорит, что он учит риторике (*rhetorike*).

«Горгий» различает мастеров *techne* и людей, владеющих ею лишь посредством приобретенного «умения» (*empeiria*), от чего мы получаем слово «эмпирический», означающее то, что связано с опытом. В английском языке восемнадцатого века слово «эмпирик» относилось к шарлатану, который занимался медициной, основываясь исключительно на опыте. Мастера искусства не просто обладают ловкостью и навыками. Они также отступили от своих навыков, поразмышляли над ними и сформулировали общие принципы. Это позволяет им произносить разумные речи (*logoi*) о своем искусстве, что позволяет им обучать этому искусству других, а не просто предлагать им учиться путем подражания и практики.

Когда Сократ спрашивает Горгия, чем занимается риторика, он отвечает «речами» (*logoi*). Затем Сократ просит Горгия отличать речи, с которыми имеет дело риторика, от *logoi* других искусств, таких как медицина и физическая культура. Здесь Горгий мог бы ввести различие между формой и содержанием речей. Риторика могла бы иметь дело со всеми видами речей, но она могла бы сосредоточиться на их общих формальных качествах, а не на их конкретном содержании. Аристотель, например, идет по этому пути, сосредотачиваясь на формальных свойствах всех убедительных *logoi*: логики, диалектики и риторики. Для Аристотеля риторика может быть определена как изучение методов убеждения о человеческих делах.

Однако Горгий не идет по этому пути. Вместо этого он утверждает, что риторика отличается от других *technai* тем, что состоит исключительно из речей, без какой-либо грязной практической работы. Сократ указывает, что это не отличает риторику от математики. Кроме того, там еще не сказано, о чем риторика.

Затем Горгий говорит, что риторика – это величайшая из человеческих забот. Но Сократ указывает, что другие искусства делают те же заявления о здоровье, деньгах и т. д. Кроме того, Горгий на самом деле не говорит, в чем состоит это величайшее благо, поэтому Сократ спрашивает: «Так считай, Горгий, что тебя спрашивают не только они, но и я, и объясни, что ты имеешь в виду, говоря о величайшем для людей благе и называя себя его создателем». (452d). [1]

Горгий отвечает: «То, что поистине составляет величайшее благо и дает людям как свободу, так равно и власть над другими людьми, каждому в своем городе». (452d). Риторика приносит величайшее благо, обучая ...

«способности убеждать словом и судей в суде, и советников в Совете, и народ в Народном собрании, да и во всяком ином собрании граждан. Владея такою силой, ты и врача будешь держать в рабстве, и учителя гимнастики, а что до нашего дельца, окажется, что он не для себя наживает деньги, а для другого – для тебя, владеющего словом и умением убеждать толпу». (452e)

Такое искусство риторики буквально дает возможность поработать практиков всех других искусств, потому что риторика позволяет ухватиться за рычаги политической власти, которая позволяет регулировать все общество.

Позже в диалоге Горгий утверждает, что риторика на самом деле дает возможность убеждать людей в любом другом искусстве лучше, чем те, кто сам знает и практикует эти искусства. Оратор, ничего не смыслящий в медицине, способен убедить больного принять лекарство лучше, чем врач, знающий, зачем это лекарство необходимо. Сократ находит эту силу жуткой, на что Горгий говорит: «О да, Сократ, если бы ты только знал все это, что оно охватывает и подчиняет себе почти все, что может быть совершено» (456a).

В этот момент становится ясно, насколько софистика является подделкой философии.

Софисты учат искусству риторики, понимаемому как стремление к лучшей жизни человечества: свободе для себя и власти над другими. Горгий фактически определял «добродетель» как «способность управлять людьми» (Платон, «Менон», 73c–d). Через политику человек достигает свободы для себя и власти над другими.

Философы также стремятся к лучшей жизни для человечества. Они тоже понимают хорошую жизнь с точки зрения таких добродетелей, как справедливость, мужество и умеренность. Но для Сократа и Платона лучшая жизнь человека скорее аполитична, чем политична. Подлинная свобода для самого себя несовместима с властью над другими.

Как только искусство риторики позволит вам овладеть политической властью, вы сможете «охватить и подчинить себе» все другие искусства, а также все науки и даже все блага, производимые в обществе. Помимо этого, риторика способна сделать меньшие искусства эффективными, сделав их более убедительными, чем подлинная правда и мастерство.

Философия занимает такое же высокое положение по отношению к искусствам, наукам и всем благам мира. Мудрость охватывает и подчиняет все вещи, делая их эффективными создателями благополучия при правильном их использовании.

Однако Горгий спешит прояснить решающее различие между софистикой и философией. Риторика, по его словам, морально нейтральна. Ее можно использовать во благо или во зло. Таким образом, учителя риторики, такие как Горгий, не могут нести ответственность за то, как их ученики используют ее.

Софистика была больше, чем искусство риторики. Это было искусство риторики, соединенное с политической идеологией, которую можно назвать технократией, что означает господство *techne*, что по сути означает господство экспертов, обещающих научно понять и технически управлять человеческим существованием.

Однако технократия опасна, потому что она накапливает силу и власть, но не мудрость. Поскольку она морально нейтральна, она не может ответить на вопрос: «Может ли быть слишком много власти, слишком много контроля?» Он не может устанавливать себе ограничения. Ей не хватает исключительной ориентации мудрости на добро, без которой всеобъемлющая и всеподчиняющая сила, которой она распоряжается, не может надежно обеспечить благополучие как правителя, так и управляемого. Проблема с технократией в том, что она может управлять всем, кроме самой себя.

Примечание

[1] Plato, *Gorgias*, trans. Donald J. Zeyl, in *Plato: Complete Works*, ed. John M. Cooper (Indianapolis: Hackett, 1997).

Библиотека Велесова Слобода, 2023 г.